

ДА БИ СИ
ПЪЕР

ДИ БИ СИ
ПЪЕР

**ВЕРНОН
ГОСПОДИ
ЛИТЛ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(94)
ББК 84(8Авс)-44
Д44

Серия «Чак Паланик и его бойцовский клуб»

DBC Pierre
VERNON GOD LITTLE

Перевод с английского *В. Михайлина*

Серийное оформление и дизайн обложки *В. Половцева*

Печатается с разрешения Conville&Walsh Ltd.
и Synopsis Literary Agency.

Книга содержит нецензурную брань

Ди Би Си, Пьер.

Д44 Вернон Господи Литтл : [роман] / Ди Би Си Пьер ;
[пер. с англ. В. Михайлина]. — Москва : Издательст-
во АСТ, 2019. — 416 с. — (Чак Паланик и его бойцов-
ский клуб).

ISBN 978-5-17-115932-0

В маленьком провинциальном городке Техаса произошла тра-
гедия: подросток расстрелял своих одноклассников. Случайного
свидетеля массового убийства, Вернона Г. Литтла, полиция немед-
ленно привлекает к делу, стремясь доказать его соучастие в престу-
плении. Так начинаются его злоключения...

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(8Авс)-44

© DBC Pierre, 2003
© Перевод. В. Михайлин, 2019
© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Действие 1
По самое мое

В Мучению жара смертная, но от утренних газет на пороге тянет холодом — такие в них новости. Ни за что не догадаетесь, кто всю ночь со вторника на среду простоял посреди дороги. Отгадка: старая сраная миссис Лечуга. Трудно сказать, пробрала ее предутренняя дрожь или неровный свет от фонаря над крылечком сквозь листья ивы и тучу мошкары играл на ее коже, как шелковый саван в надвигающейся буре. Во всяком случае, при свете утра между ног у нее обнаружилась лужица. В обычное время это был бы недвусмысленный сигнал: надо рвать из города когти, и чем быстрее, тем лучше. Может, и насовсем. Видит бог, я искренне пытался понять, что к чему в этом мире; мне даже случалось испытывать смутные предощущения насчет того, что нам суждено просиять и прославиться. Но после всех этих событий и предощущать больше нечего. В том смысле, что дальше просто *некуда*.

А сегодня уже пятница, и я у шерифа в кутузке. Похоже на пятницу в школе или еще что-нибудь в этом роде. Школа — тьфу, блядь, даже не напоминайте мне про школу.

Сижу и жду промеж лучами света из выстроенных в рядок дверных проемов, голый, как перст, если не считать ступарей и вчерашнего белья. Такое впечатление, что я — единственный, кого они пока успели загрести. Не то

чтобы я и в самом деле в чем-то таком был замешан, не поймите меня неправильно. К тому, что случилось во вторник, я не имею никакого отношения. Но ситуация от этого приятней не становится. Как тут не вспомнить Кларенса Какматьеготамзвали, ну, в общем, этого черного, про которого трындели в новостях всю прошлую зиму. Психа, который клевал носом перед камерой вот в этой же самой обшитой деревом комнате. И в новостях говорили, вот, значит, насколько ему пофигу, какую память он по себе оставит. А под памятью, которую он по себе оставит, они, судя по всему, имели в виду рубленые раны. Топором. А старина Кларенс Хуйзнаеткакегофамилия был бритый наголо, как боров, и одет был во что-то вроде пижамы, ну, как дуриков в психушке одевают, и в очках пузырями, как у людей, у которых во рту все десны, десны, а зубов — как грибов, то есть, в смысле, ищите и обрящете. В зале суда они для него соорудили специальную такую клетку. А потом приговорили к смертной казни.

Сижу и смотрю на собственные «найки». «Джордан Нью Джекс», между прочим, не хрен собачий. Пытался их чуть-чуть образить собственной слюной, но хули смысла, если я все равно сижу тут голый. И пальцы липкие. Эти чернила даже в Армагеддоне не сторят, зуб даю. Только и останется в мире, что тараканы и эти вот ебанные чернила для отпечатков пальцев.

В темном конце коридора набухает огромная тень. А следом — ее обладатель. То есть обладательница. Идет в мою сторону, и в полосах света становится видно, что в руках у нее — картонная коробка из фастфуда «Барби-Q», пакет с моей одеждой и телефон, в который она пытается на ходу говорить. Медлительная потная баба, и морденка в кучку посреди обширной жирной хари. Даже в форме сразу ясно, что это Гури. За ней в коридор пыта-

ется выйти еще какой-то в форме, но она ему машет, чтоб, в смысле, не суетился лишнего.

— Дай мне снять предварительные показания, а когда нужно будет составлять протокол, я тебя позову.

Она опять заглядывает телефон и прочищает горло. И переходит на ультразвук.

— Гх-ррр, а я и не говорю, что ты тупой, я просто объясняю, что с точки зрения стасс-тисстики занятия по спецтехнике и тактике могут снизить число потенциальных потерь.— Тут она совсем срывается на визг, и коробка от «Барби-Q» падает на пол.— Ланч упал,— хрюкает она в трубку и нагибается.— Да нет, только салат, немножко — госссподи ты боже мой.

Она замечает меня и отключает трубку.

Я наостряю уши, на случай если вдруг за мной приехала мать; нет, не приехала. Я так и знал, что не приедет, вот какой я умный. А все-таки ждал, вот какой я сраный гений. Вернон Гений Литтл.

Она кидает мне на колени пакет с одеждой.

— Давай шевелись.

Ну и бог с ней, с мамашкой. Будет теперь мотаться по городу в поисках сочувствующих душ, это она умеет. «Вы знаете, Верн от всего этого просто сам не свой». Слышу, слышу. Верном она меня называет, только когда треплет-ся со своими подружками за утренним кофе, чтобы, типа, показать, какие мы с ней неразлейвода, хотя на самом деле ловить тут давно уже нечего. Если бы мамаш продавали с инструкциями по эксплуатации, то у моей в самом конце этой тоненькой книжечки было бы черным по белому написано: а теперь пошли ее на хуй. Зуб даю. Последняя собака в городе знает, что во всем, что было во вторник, виноват Хесус; но вы мою мамашку видели? Одного того, что я даю показания по уголовному делу, ей хватит, чтобы заполнить какой-нибудь ебанный синдром

Турели, или как там это называется, когда человек начинает размахивать руками и не может остановиться.

В комнате, куда она меня сопровождает, стол и два стула. Окна нет, и только на внутренней стороне двери фотография моего друга Хесуса. Мне достается тот стул, что погрязнее. Одеваясь, я пытаюсь представить, что сейчас — прошлые выходные; просто обычные, ничего не значащие ржавые минуты, которые сочатся в город по капле сквозь кондиционеры со сломанными регуляторами; спаниели пытаются напиться из автополивалонок и вместо глотка воды получают струей в нос.

— Вернон Грегори Литтл? — Она предлагает мне поджаренное на гриле ребрышко. Но предлагает как-то в полдуши, и, чес-слово, увидишь один раз все ее подбородки и как они колышутся над этим ребрышком — и уже никакой кусок в горло не лезет.

Она бросает мое ребрышко обратно в коробку и выбирает себе другое.

— Гх-ррр, давайте начнем сначала. Ваше обычное местожительство — дом номер семнадцать по Беула-драйв?

— Так точно, мэм.

— Кто еще там живет?

— Никого, только моя мать, и все.

— Дорис Элеанор Литтл?

Соус барбекю капает на ее табличку с именем. Под каплей соуса надпись: «Помощник шерифа Вейн Гури».

— И вам пятнадцать лет от роду? Трудный возраст.

Она что, блядь, шутки тут шутит? Мои «Нью Джекс» трутся друг о друга в поисках моральной поддержки.

— Мэм, это у нас с вами надолго?

Глаза у нее на секунду делаются большие-пребольшие. А потом суживаются в щелочку.

— Вернон, у нас речь идет о соучастии в убийстве. И займет это ровно столько времени, сколько потребуется.

— Да, но...

— Только не говори мне, что ты зная не знал этого юного мексикоса. И не пытайся меня уверить, что ты не был едва ли не единственным его другом. Даже и думать об этом забудь.

— Мэм, я только хочу сказать, что наверняка должна быть еще масса свидетелей, которые видели гораздо больше, чем я.

— Да что ты говоришь? — Она оглядывается вокруг. — Что-то я больше никого здесь не вижу — а ты?

И я, как полный дебил, начинаю тоже вертеть башкой по сторонам. Н-да. Она перехватывает мой взгляд, смотрит пристально.

— Мистер Литтл, вы вообще-то понимаете, почему вы здесь очутились?

— Вообще-то догадываюсь.

— Ага. Тогда позвольте мне объяснить вам, что в мою задачу входит обнаружение истины. Прежде чем вы успеете подумать, что это будет не так-то просто сделать, я напомню вам о том, что с точки зрения стасс-тисстики жизнью в этом мире управляют всего две основные силы. Вы можете назвать две основные силы, которые стоят за всем, что только есть в этой жизни?

— Ну, богатство и бедность.

— Нет, не богатство и бедность.

— Добро и зло?

— Нет — причина и следствие. И прежде чем мы перейдем к делу, я хочу, чтобы вы назвали мне две основные категории людей, населяющих наш мир. Вы в состоянии назвать две упомянутые выше категории людей?

— Причинщики и следователи?

— Нет. Граждане — и лжецы. Вы следите за моей мыслью, мистер Литтл? Вы вообще-то здесь?

Типа того. Мне очень захотелось сказать: «Нет, я на озере с твоими ебаными дочками», но не сказал. Насколь-

ко мне известно, у нее даже и дочек-то никаких нет. Все, теперь целый день буду думать, что нужно было ей ответить. Блядский род.

Помощник шерифа Гури отрывает от косточки полоску мяса; и оно, поболтавшись в воздухе, исчезает у нее между губами, как говно, если пленку пустить задом наперед.

— Надеюсь, вам известно, что такое лжец? Лжец — это психопат, человек, который закрашивает серым промежутки между черным и белым цветами. И я просто обязана дать вам совет — не нужно серого. Факты есть факты. Или они превращаются в ложь. Следите за моей мыслью?

— Да, мэ.

— Очень на это надеюсь. Вы помните, где вы были во вторник утром, в четверть одиннадцатого?

— В школе.

— А какой именно в это время шел урок?

— Ну, математика.

Гури опускает косточку, чтобы повнимательней меня рассмотреть.

— А не помните ли вы тех существенно важных фактов, которые я только что изложила вам насчет черного и белого?

— Я же не сказал, что был на уроке...

Стук в дверь: только он и спасает мои «найки» от короткого замыкания. В комнату вваливается нечто деревянное в прическе.

— Вернон Литтл здесь? Ему звонит мать.

— Хорошо, Эйлина.

Гури бросает в мою сторону взгляд, смысл которого ясен без слов — не расслабляйся, — и указывает костью на дверь. Я иду за деревянной теткой в приемную.

Блядь, как я был бы счастлив, если бы это звонила не моя старуха. Между нами: иногда мне кажется, что, едва успев меня родить, она воткнула мне в спину здоро-

венный такой тесак, и теперь стоит ей хоть слово произнести — и нож проворачивается у меня в спине. А теперь и отца больше нет, делиться болью не с кем, и хуев ножик режет еще того глубже. Когда я выхожу в приемную и вижу телефон, голова сама собой уходит в плечи и челюсть на сторону. Ебать мой род, если я слово в слово не знаю, чего она сейчас мне скажет, эдак на всхлипе, мол, бейте меня, режьте меня. «Вернон, с тобой все в порядке?» Вот, зуб даю.

— Вернон, с тобой все хорошо?

— Все путем, ма.

И голос у меня выходит какой-то тихий и придурковатый. То есть как-то само собой получается, что я пытаюсь не дать ей впасть в жалостный тон, вот только действует это на нее как кошка на ебливую шавку.

— Ты сегодня ходил в ванную?

— *T'твою...* Ма-ам...

— Ты же сам прекрасно знаешь, что тебе нельзя... ну, из-за этого твоего недомогания.

Нет, она позвонила не для того, чтобы поработать ножиком, она позвонила, чтобы его вынуть, а вместо него вставить пику или еще какую-нибудь ебитскую силу. Вообще-то вам об этом знать необязательно, но когда я был маленький, ребенком я был, ну, как бы это сказать, непредсказуемым, что ли. По крайней мере, насчет протраться. Бог с ними, с этими говенными деталями, но матушка моя никак не могла пройти мимо этакой радости и всякий раз спешила смазать ножик моим же собственным дерьмом — ну, просто чтобы жизнь лишней раз не казалась мне медом. Однажды она даже написала об этом моей учительнице, у которой и у самой был припасен на мой счет целый арсенал, и эта сука не преминула сказать все как есть перед всем как есть классом. Представляете, да? Я чуть и в самом деле не урался от счастья, прямо на месте. А последние несколько дней я на этом ножике

верчусь, как чембурек на шампуре, как ебанный шашлык в говенном соусе.

— Ну, сегодня утром у тебя же не было на это времени,— говорит она в трубку,— вот я и подумала, а вдруг ты — ну, сам понимаешь...

— Все хорошо, правда.

Я стараюсь быть вежливым, а не то она тут же угостит меня целым золингеновским набором, сверкающая, сука, радость на вашей блядской кухне. Вот уж попал так попал.

— А что ты сейчас делаешь?

— Слушаю помощника шерифа Гури.

— Лу-Делл Гури? Тогда ты ей скажи, что мы знакомы с ее сестрой Рейной, по «Часовым веса».

— Это не Лу-Делл, ма.

— Если это Барри, то, ты сам знаешь, Пам видится с ним по два раза в месяц, по пятницам...

— И не Барри. Мам, мне пора.

— Ну, в общем, машину еще не починили, а я еще затеяла печь радостные кексы для Лечуг, полную духовку, и мне нужно их не упустить, так что, наверное, Пам тебя заберет. И еще, Вернон...

— Ну?

— В машине сиди прямо, не сутулься — в городе столько журналистов с камерами.

У меня по позвоночнику побежали пауки с велькровыми* лапками. Серые пятна, они на видео не видны, сами знаете. А когда говно начинают разгребать на черную и белую стороны, посередке тоже пахнет не слишком приятно. Только не поймите меня неправильно, я не хочу сказать, будто я действительно в чем-то виноват. Я на сей счет спокоен, как танк, усвоили? И сквозь печаль

* «Велькро» — название компании, производящей застежки-липучки и, соответственно, самих липучек. (Здесь и далее прим. перев.)

мою просвечивает полное спокойствие духа, проистекающее оттого, что я знаю: добро в конце концов побеждает. Всегда. Почему в кино всегда все кончается классно? Потому что кино подражает жизни. И вы об этом знаете, и я об этом тоже знаю. А вот моя старуха ни хуя об этом не знает, и пиздец.

Я тащусь через холл к своему не слишком чистому стулу.

— Мистер Литтл, — говорит Гури, — давайте-ка начнем все сначала. Иначе говоря, я хотела бы прояснить для себя кое-какие факты. Вот шерифу Покорней ничего насчет вторника прояснять не нужно, ему и так все ясно, так что благодарите бога, что мы с вами беседуем наедине.

Она тянется было к своему перекусону, но в последнюю секунду кладет руку на кобуру.

— Мэм, я был с другой стороны от спортплощадки, я даже не видел, как оно все случилось.

— Вы же сказали, что были на математике.

— Я сказал, что в это время шла математика.

Она смотрит на меня эдак искоса.

— Вы что, занимаетесь математикой за спортплощадкой?

— Нет.

— Тогда почему вас не было на занятиях?

— Мистер Кастетт дал мне поручение, и я, типа, ну, в общем, слегка задержался.

— Мистер Кастетт?

— Наш учитель по физике.

— Он что, и математику тоже преподает?

— Нет.

— Гх-ррр. Знаете, в этой части картины у нас выходит сплошной серый цвет, мистер Литтл. Просто *чертовски* серый.

Вы даже представить себе не можете, как иногда хочется стать Жан-Клодом Ван Даммом. Засунуть эту сра-